

ГРЕЧЕСКОЕ γρίφος «ИГРА В СЛОВА» В ПОЭЗИИ И В ЖИЗНИ

Слово γρίφος переводится как «загадка, витиеватая речь, обиняк, окольная речь, иносказание». Английский перевод словом «riddle» точнее и обобщеннее передает идею, чем французское énigme, нем. Rätsel. Этимологически греческое γρίφος связывают с γρίλος ‘рыболовная сеть’ и предполагают «легко оправдываемое»¹ метафорическое развитие к значению «запутанная речь, загадка». Придыхательность считается искусственной и остается без объяснения.² Вариант с придыхательным смычным закрепился в языке только за значением «загадка», так что предположение о контаминации с γράφω «писать» кажется правдоподобным.³

Ученик Аристотеля Клеарх из Сол составил семичастную классификацию γρίφων, которую исследователи обычно воспринимают как трехчастную.⁴ Сами γρίφοι Клеарх определил так: «γρίφος πρόβλημα ἐστὶ ποιητικόν, προσηκτικόν τοῦ διὰ ζητήσεως εὐρεῖν τῆ διανοίᾳ τὸ πρόβληθὲν τιῆς ἢ ἐπιζητιοῦ χάριν εἰρημένον». Это определение подчеркивает присущий γρίφος игровой характер и цель, в которой соревновательность составляет основное содержание, подчеркнутое азартностью правил: τιῆς ἢ ἐπιζητιοῦ χάριν εἰρημένον «высказываемое ради почести или наказания». Из переложения у Афинейя видно, что Клеарх рассматривал среди γρίφοι и собственно загадки, и веселые анекдоты (453 a), и мимические сценки (Дромей Косский, который ἐλαίσε γρίφους (Athen., 452 f)). Завершает рассмотрение раздел, посвященный литературным буквенным «загадкам», которые мы бы определили или как шараду (имя Тезея, см. ниже), или же как лишенный смысла центон, или же как акростих / телестих (речь идет о перечнях стихов Гомера, начинающихся с определенной буквы), но не как собственно загадку. Очевидно, что здесь мы имеем дело с низовым литературным жанром, вторгающимся, как будет показано ниже, и в высокую литературу. При вопросе, отчетливо поставленном С. С. Аверинцевым, «жанр как абстракция и

жанр как реальность»⁵ мы должны ответить, что греческое γρίφοι безусловно представляют собой реальность, причем не только бытовавшую в литературе, но и осмыслявшуюся уже в конце классической эпохи как нечто особое. В последующей литературе мы обнаруживаем некоторое число стихотворений, так и названных γρίφος.

Вот те разновидности γρίφοι, которые перечисляет Афиней обычно со ссылкой на сочинение Клеарха (Athen., 448 b—459 b):

1. ἐν γράμματι (Athen., 448 c) — на определенную букву или без оной (напр., асигматический стих Пиндара). Такого рода упражнения, конечно же, скорее могут быть определены как «игра в слова», а не как собственно «загадки».⁶ К этому же типу относятся ἐν συλλαβῇ (Athen., 452 f) — на определенный слог и ἐν ὀνόματι на повторяющуюся часть слова (общая часть в композитах и т.д.).

2. προβάλλειν τὸν γρίφον, τί πάντων ἰσχυρότατον (Athen., 451 b).

3. πολλοὶ δὲ τῶν γρίφων καὶ τοιοῦτοί τινες εἰσὶν οἷον (Athen., 452 b). О Пифагоре — не есть сердца, т.е. добиваться беспечальной жизни. Безусловно здесь мы имеем дело с иносказанием.

4. Собственно загадки: ἀρχαιότατος δ' ἐστὶ λογικὸς γρίφος (Athen., 453 b).

5. γραμματικὴ θεωρία (Athen., 453 c) — буквы изображает танцов и т.п.⁷

6. διὰ τῶν ἰαμβείων γράμμα πεφρασμένον δὲ τρόπον τοῦτον (Athen., 452 f), т.е. буквы, которые нужно угадать по описанию и из них сложить слово. Например, в «Телефе» Агафона неграмотный пастух перечисляет:

В начале буквы: круг и точка посреди,	(Θ)
прямые две подпорки с поперечиной,	(Η)
а третья словно гнутый скифский лук,	(Σ)
затем как бы треножник завалился вбок,	(Ε)
подпорка, из которой развернулись две,	(Υ)
и с третьим совпадал последний знак.	(Σ)

7. λέγειν ἀπὸ τοῦ δοθέντος γράμματος (Athen., 457 f).

Не случайно этим седьмым разделом завершается перечисление: это уже вполне литературные игры, в число

которых попадают и акrostихи и телестихи, ср. (Athen., 458 сл.).

Принятое для слова γρίφος толкование «загадка» не передает ни «игры в слова», ни веселого анекдота, ни оттенка шарадности.

Очевидно, что к разряду «загадок» Клеарх относил любое составление смысловых цепочек из последовательно угаданных символов, включая и то, что мы назвали бы акrostихом.

Для других типов «игры в слова» материалов недостаточно, но для акrostиха мы располагаем некоторыми материалами, касающимися отнюдь не только чисто литературной его разновидности.

Акrostих как стихотворная форма, рассчитанная исключительно на зрительное восприятие и на слух неощутимая,⁸ является одним из важнейших свидетельств о роли письменности в античное время и собственно читательского восприятия текста.

Вопросы, связанные с датировкой и ролью акrostиха в античной культуре, не раз вызвали специальные исследования, в которых установлено время появления акrostихов (эллинистическая эпоха) и источник — заимствование с Востока. Истоки акrostиха чаще всего видят в магии, что, как мы покажем ниже, далеко не соответствует роли акrostиха в греческой и римской культуре. Не менее спорной кажется и датировка акrostиха периодом эллинизма. Безусловно, к эллинистическому времени относится своего рода расцвет акrostиха, но первый акrostих встречается у Гомера. Гомеровское свидетельство обычно ставят под сомнение: начальные буквы первых пяти строк XXIV песни Илиады складываются в слово λευκή (II.24, 1—5), ничем и никак по содержанию не связанных с гомеровским текстом. Можно согласиться с Э. Фоггом в том, что «das Akrostichon bei Homer ist sicher zufall».⁹

Λυτο δ' ἄγων, λαοὶ δὲ θοᾶς ἐπὶ νῆας ἕκαστοι
 ἐσκιδνάντ' ἰέναι, τοὶ μὲν δόρποιο μέδοντο
 ὕπνου τε γλυκεροῦ ταρπήμεναι· αὐτὰρ Ἀχιλλεὺς
 κλαίει φίλον ἑτάρου μεμνημένος, οὐδέ μιν ὕπνος
 ἦρει πανδαμάτωρ, ἀλλ' ἐστρέφετ' ἔνθα καὶ ἔνθα

Между Гомером и эпохой эллинизма до недавнего времени мы располагали только несколькими косвенными свидетельствами: Диоген Лаэртский (8, 78) сообщает об акrostихе Эпихарма (конец V века до Р.Х.), Дионисия (IV в. до Р.Х.), Гераклида Понтийского (Fr. 13a-b, но см. Wehrli¹⁰ ad loc.). У. Брандт, автор новейшей статьи об акrostихе, называет первым поэтом, достоверно составившим акrostих в греческой литературе, поэта Филостефана (ок. 300—240 до н.э.), современника Каллимаха. Это утверждение не учитывает новых папирусных фрагментов трагедии Херемона (конец V века до н.э.), в которых акrostих использован для указания авторства. Р. Каннихт прочитал в начальных строках фрагмента имя самого Херемона:

Χρή τῶν θ[
 Ἀρξή γὰρ θνητ[οῖς
 Ἰμεῖρου πάση[ς
 Ρώμην τιφμεν μ[
 Ἦθος ἔχειν ὅσιον ζῆ[
 Μῆ πᾶν κέρδος ὄρα[.¹¹

Косвенные свидетельства и упоминания об акrostихах не всегда признаются достаточными для достоверной датировки. Поэтому наиболее известны и чаще других упоминаются акrostихи Арата, который в стихах 783—788 в акrostихе повторил ключевое для своего учения слово Λεττή¹² и Никандра, в обеих поэмах которого Э.Лобель нашел имя автора, не без погрешностей помещенное в акrostих (Theiaca, 345—353 и Alexipharmaca, 266—274).¹³ Позднее Дионисий Перизетт дважды отметил свое имя (Dionysius Perieget., 109—134 и 513—532).¹⁴ Наконец следует ямбическое предисловие к астрономическому трактату Евдокса. В стихах 6—8 Евдокс сообщает, что каждая стихотворная строка соответствует определенному месяцу, а число букв в строке — числу дней. Одновременно первые буквы строки складываются в ΕΓΔΟΞΟΥ ΤΕΧΝΗ.¹⁵ Этот акrostих намного сложнее обычного, поскольку не только первые буквы в строках, но и само число букв в каждой из строк несет дополнительную смысловую нагрузку.

Цитированная выше подборка текстов из Афиней (X, 453—455), обычно не берется в расчет. Между тем любо-

пытно, что имя Тезея, послужившее поводом для γρίφοι афинских драматургов, появляется позднее в надписи Θέμις, Ἦλιος, Σελλήνη, Ἐρμῆς, Ἰδρήχοος, Σεῖριος,¹⁶ из первых букв которой складывается имя ΘΗΣΕΥΣ.

В любом случае для V в. до н.э. есть прямые свидетельства включения письменной традиции в наиболее популярные стороны греческой культуры.

Такая же игра с буквами встречается в эпитафии Трасимаха, сохраненной Неоптолемом Паросским в его книге об эпиграммах:¹⁷

τοῦνομα θῆτα ῥῶ ἄλφα σὰν ὃ μὲν¹⁸ ἄλφα χεῖ οὐ¹⁹ σὰν.
 πατρίς Χαλκηδῶν· ἡ δὲ τέχνη σοφίη.²⁰

Безусловно такие игры со словами зависят напрямую от первой софистики. Надо думать, что не случайно в числе авторов, цитируемых в качестве примера для игр с буквами, стоят имена ведущих драматургов Афин. Любопытно, что прочитать слово, выплясанное на сцене, очевидно, могли многие из присутствующих зрителей. Сам же механизм загадки и разгадки отличался от обычной загадки: текст приобретал новое линейное измерение, но столь же механическое, как и последовательность знаков в тексте, и не получал при этом ни метафорической, ни тем более поэтической глубины. Существовавшая мода искать в гомеровских стихах совпадающие начала и концы от одной буквы до целого слога, а также составление слов из первого и последнего слога в стихе: Αἴας δ' ἐκ Σαλαμῖνος ἄγεν δύο καὶ δέκα νῆας (cf. Athen. X, 458,a) требовало и специальных навыков, и знания гомеровского текста, однако, в отличие от центона, было лишено малейшей доли поэзии. В современной филологии некоторую параллель указанным античным ученым играм составляют поиски анаграмм.²¹

Суммируя данные, можно утверждать, что акrostих распространяется в V в. до н.э. в рамках первой софистики и без сколько-нибудь отчетливых связей с магией. Классификация Клеарха, одного из учеников Аристотеля, показывает игру мысли, но никак не религиозное чувство и тем более не магическую подоплеку акrostиха,²² включенного по этой классификации в число γρίφοι.

Механизм возникновения акrostихов с наибольшей полнотой, пожалуй, объяснен Э. Литтре, определение которого мы приведем здесь полностью: «*Quand, réfléchissant sur l'enchaînement des significations, on descend de l'idée de vers à celle de ligne dans une page, de l'idée de ligne à celle de rangé, de l'idée de rangée à celle de l'acte par lequel on fixe et détermine les points qui constituent cette rangée, on assiste à un travail curieux de l'esprit humain, qui se reproduit dans toutes les acceptions détournées et abstraites*». ²³ Цепь значений от идеи стиха до идеи строки, от идеи фиксированной строки до идеи фиксированной последовательности строк, выстроенная в логическую последовательность, необходимую для возникновения акrostиха во всех звеньях, засвидетельствована в Греции архаического и классического времени:

— достоверно известно деление гексаметра на строки при записи уже в VIII в. до н.э. ²⁴

— стойхедон в надписях применяется с V в. до н.э.

— фиксированная последовательность строк в V в. до н.э. была нормативной.

— первая софистика с вниманием к звуковой организации текста, а также к игре звуками и словами создавала удачные предпосылки для введения акrostиха.

Чередование объемов текста по главам и числовое соотношение не раз было предметом исследования. ²⁵ Как и сам акrostих, такое внимание к форме и к возможности открыть еще один смысловой уровень в тексте не содержит ничего специфически магического. Этот вывод подкрепляет использование акrostиха в римской литературе, где первый по времени акrostих принадлежит Эннию «*Q. Ennius fecit*» (Cic. de Div. 2, III). Также древним является «*Italicus scripsit*» — акrostих, читавшийся в первых и последних строках латинской Илиады. Поэтому выглядит правдоподобным предположение, согласно которому акrostих в аргументах к комедиям Плавта может датироваться еще республиканским временем. ²⁶

Во времена Августа обнаруживается акrostих в римском эпосе (Verg. Aen. 7.601—4). ²⁷

Mos erat Hesperio in Latio, quem protinus urbes
Albanae coluere sacrum, nunc maxima rerum
Roma colit, cum prima movent in proelia Martem,
Sive Getis inferre manu lacrimabile bellum... ²⁸

Марциал (Epigram. II, 86) ²⁹ говорит об акrostихе как о чем-то обычном, а его аргументация по поводу того, почему он не пишет стихов такого рода, показывает, что подобная поэзия была достаточно распространена.

Quod nec carmine glorior supino ³⁰
Nec retro lego Sotaden cinaedum,
Nusquam Graecula quod recantat echo
Nec dictat mihi luculentus Attis

5 Mollem delibitate galliambon:
Non sum, Classice, tam malus poeta.
Quid, si per graciles vias petauri
Invitum iubeas subire Ladan?
Turpe est difficiles habere nugas
10 Et stultus labor est ineptiarum.
Scribat carmina circulis Palaemon,
Me raris iuvat auribus placere.

Здесь интересно, что *carmen supinum* представляет собой кальку греческого технического термина *acrostich(i)on*, так же как *versus recurrens* соответствует палиндрому. Отчетливо видно, что еще во времена Марциала римляне отчетливо ощущали греческие истоки такой стихотворной формы (cf. *Nusquam Graecula quod recantat echo...*). Общая же характеристика акrostиха на редкость совпадает с предложенной Клеархом: *difficiles nugas*, которым отказано в чувстве и смысле, превышающем плоскостную линейность буквенной последовательности. Причем именно буквенной, на что указывает тот же Марциал: в противовес изошрениям, которые видны только на письме, его поэзия должна удовлетворять ухо взыскательного слушателя. Ни религиозного чувства, ни тайного смысла за акrostихом не признавала ни греческая, ни римская культура. В начале I в. н.э. перечисленные виды поэзии в неменьшей мере были представлены и в Греции; ср., напр., P. Оху. 1795 (I A.D.), содержащий сборник эпиграмм-акrostихов, выстроенных в алфавитном порядке, или же P. Anth. 23.

Очевидно, что подобные тексты не связаны ни с суеверием, ни с магией; они разительно отличаются от магических папирусов и по содержанию, и по форме. Как правило, мы имеем дело с разработанной литературной формой, несколько гипертрофированной, но не теряющей литературности. Интересно, что и в низовой литературе, известной нам только по эпитафиям, прослеживается влияние литературной традиции.³¹

Этот материал достаточно обилен и собран в старой статье Г. Графа. Как правило, это тексты «серьезного содержания», проникнутые чувством и лишенные магического оттенка.³² Обычно акrostих составляет имя покойного, но имеется и пример составления акrostиха из имен богов, планет и созвездий, напр., на надгробии из Синопы читается Θέμις, Ἥλιος, Σελήνη, Ἐριής, Ὑδρήχοος, Σείριος.³³ При всей видимой связи с магией, астрологией и пр., очевидна преемственность этого акrostиха с литературными образцами, упомянутыми выше и восходящими к афинской драме V в. до н.э. Самая известная, пожалуй, эпиграмма, содержащая акrostих, по мнению Кайбеля, лишь повторяет литературный источник,³⁴

Σῆμα μὲν ἐν στήλῃ γλυπτῇ θέσαν, ἥνικ' ἔγω μὲν
 ἀελίου γλυκερὴν λείπον ἐπ' ἐσχατιῇν
 Ῥηναίης δὲ με δέκτο μυχὸς καὶ ἀλάμπτετον οὐδας
 Αἶδεω [λ.]α[γόνων] κρυψέ μ' ὑπὸ σκοτίων.
 5 πατρός μὲν Δημοσθένεος, ἐτέων δύο κείκοοί μ' οὐσαν
 ἴστε δὲ με τριτάτην ἡματος ὀλλυμένην.
 ὦ μητρός (σ)τυγερῆς καὶ ἀδέλφεοῦ εἶνεκ' ἐμεῖο
 νοῦσος ἀκολύτῳ μόριμον εἶλε τύχη

Здесь можно прочесть имя усопшего: ΣΑΡΑΠΙΩΝ. Это не единственный известный пример; ср. Kaibel 726, где читается имя ФЛАВΙΑ.³⁵ В одном исключительном случае в акrostих заключены имена скульпторов.³⁶ Особое значение для определения γράφοι вообще и акrostихов в частности имеет следующая надпись:³⁷

Κάμ[ε] τὸν εὐτέχνου φωτὸς στίχον, ὦ φίλε, βῆμα
 τίμιον ἀπαύσας ἔμαθε καὶ χάρισαι
 λιταῖς ἱστορίαις λιτὸν πόνον, οἶα πέπαιγμα

οὐ κενά, μηνύων οὐπερ ἔφιν γενέτου
 5 τοῦ δὲ καλοῦ πλώσας, φησί, ξένε, χεῦματα Νεῖλου
 καιρὸν ἔχω φωνεῖν "χαίρετε πολλὰ, Φίλοι".
 νικῶμαι πέτραις τε καὶ οὐρεσιν, ὦ καταράκται,
 κἀγὼ ἔχω τεύχειν ἱστορικὴν σελίδα
 νοστήσας καὶ ἰδὼν Νικάνορα καὶ γένος ἄλλο.
 ρος κατάλοιπον ἔχω· τοῦτο γάρ ἐστι τέλος.³⁸

Здесь совершенно удивительно не имеющее параллелей в новейшее время составление имени из слогов, открывающих элегический дистих. Эта надпись, происходящая из Египта, может быть точно датирована временем Августа на основании другого эпиграфического текста: Κατίλιου τοῦ καὶ Νικάνο[ρος L...] Καίσαρος, Φαμεν[ώθ] ιβ', ἐπὶ Νεῖλου στρατηγού.³⁹ Очаровательна последняя строка, начинающаяся с последнего слога в имени Никанора: «-ра осталось у нас, слог и стоявший в конце». Такого рода подписи, обращенные в загадку, встречаются и на памятниках искусства, известных как Tabula Iliaca.⁴⁰ Имя Феодора на оборотной стороне таблицы, вероятно, также не связано ни с магией, ни с практикой гаданий.⁴¹

Акrostих в эпитафиях достаточно часто встречается в Восточной Римской империи. М. Гвардуччи, хотя и отметила, что акrostих употребляется и в погребальных памятниках и в памятниках, к погребению отношения не имеющих,⁴² однако все же приняла идею, высказанную Царкером, согласно которой акrostих служит «гарантией бессмертия».⁴³ Среди акrostихов II—IV вв. н.э. представлены и прозаические надписи.⁴⁴ Несколько ранее — стихотворный гимн Аполлону⁴⁵ (I в. до н.э. — I в. н.э.) с именем поэта Геродора или Геродота, сына Артемона.⁴⁶ Сюда же можно добавить и алфавитные оракулы Аполлона Карийского (Фригия — II в. н.э.)⁴⁷ и современные им первые акrostихи в христианских надписях.⁴⁸ Не вызывает сомнения тот ход реконструкции развития акrostиха, который предложила М. Гвардуччи: акrostих в своем развитии проходит стадии от литературного приема к мистическому осмыслению, а не наоборот.

Таким образом, мы можем видеть в Римской империи продолжение именно греческого, литературного, а не мистического начала, причем сами истоки однозначно осознавались римлянами как греческие. Существенно, что и Ф. де Соссюр видел уже в самых ранних римских примерах анаграмм греческое влияние.⁴⁹ Можно видеть, как из эллинистической греческой поэзии акростих проникает в поэзию Энния и в латинский перевод Илиады. В позднейшее время как в высокой поэзии,⁵⁰ так и в стихотворных надписях мистическое содержание не становится главенствующим для римского акростиха. В греческой культуре уже ученик Аристотеля рассматривал акростих в ряду словесных игр, совершенно лишенных какого бы то ни было религиозного или магического привкуса, который, вообще говоря, часто сопровождает алфавитные упражнения.⁵¹ Соревнование в остроумном ответе или решении — слышании / видении большего, чем другие, — как кажется, лучше соответствует тому, что мы знаем о γρίφοι, чем мысль о желании угодить божеству или же в чем-то убедить его. Поэтому мысль о заимствовании акростиха с Востока, несмотря на то, что именно там еще во II тыс. до н.э. обнаружен древнейший его образчик, не кажется мне заманчивой. Уже самые ранние свидетельства говорят об акростихе, как авторском клише, своего рода σφραγίς, об отгадывании имени нерожденного сына (Тезей), но никак не о магических действиях или намерениях. Узнавание акростиха на слух, как известно, достаточно затруднено. Для Афин V в. до н.э. мы не вправе предполагать поголовную грамотность, однако не менее странно было бы думать, что лишь самая незначительная часть сидевших в афинском театре могла воспринять «вытанцовывание букв», их описание, включенное в текст, произносившийся актером, или же по начальным буквам строк угадать имя автора. По современному опыту обучения детей грамоте известно, насколько труден переход от узнавания отдельной буквы к объединению их в слоги или в комбинации слогов. Между тем приходится констатировать, что в своей массе афинские зрители объединяли буквы в слог и слоги в слова достаточно легко, чтобы получать

удовольствие от разгадки шарад. Более утонченные игры, типа сложения слов из начального и конечного слога в гомеровском стихе, вряд ли возможны без учета письменного текста. В пользу такого предположения говорит, в частности, отсутствие игр, основанных на учете пред- или послесезурного слога: учитывается только конечный и начальный слоги стиха.

Тем самым для решения вопроса о соотношении устной и письменной традиции в греческой культуре некоторые материалы содержит шуточное и шарадное занятие «игры в слова», причем само это занятие во времена Аристотеля описывалось словом γρίφος.

Примечания

¹ «L'emploi métaphorique aisément justifiable d'«énigme» (Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968—1980. P.237), «langage enchevêtré ou qui prend l'interlocuteur comme dans un filet, d'ou enigme (logogriphe)» (Baillly M. A. Dictionnaire Grec-Français. Paris, 1903, s.v.). Параллели такого семантического развития, однако, не обнаружены. Тем не менее выражение γρίφος προβάλλειν (Athen., 449 d,e) «загадать загадку» (букв. «забросить») выявляет связь с орудиями лова, а γρίφος ἐπιλύειν (Athen., 449 e) «разгадать загадку» (букв. «распутать») может отражать семантическое развитие, шедшее в том же направлении.

² Cf. *Éntraînnes de linguistique offerts par quelques amis à Émile Benveniste*. Paris, 1928. P.20.

³ Если исходить из материалов, которые относятся к содержанию слова γρίφος. Прямое указание содержит глосса Гесихия γράματ' ἕσαι χάραξαι (Z 169), ἀνῆσαι и γρίφασθαι γράφειν. οἱ δὲ ἕσαι καὶ ἀνῆσαι. Λάκωνες. Значение «шарлатать, скрести» объединяет эти два глагола.

⁴ «Only three of the seven are quoted», — замечает Чарлз Гулик (Ch. V. Gulick ad Athen. X 448c // Athenaeus. The Deipnosophists / With an English Translation by Ch. V. Gulick in Seven Volumes. Vol. IV. Cambridge (Mass.): London, 1969. P.531), в чем он следует книге Вольфганга Шульца (S c h u l t z W. Rätsel aus dem hellenischen Kulturkreise Geammelt. 1. Teil. Die Rätselüberlieferung. Leipzig, 1909 (= Mythologisches Bibliothek. Bd 3,1). S.2.

⁵ Аверинцев С. С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С.191—219.

⁶ «Метафорическое выражение, в котором один предмет изображается через посредство другого, имеющего с ним хотя бы отдаленное сходство» (Б р о к г а у з, Е ф р о н. Малый энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т.2); «Загадка — жанр нар.-поэтического творчества; иносказательное поэтическое описание к.-л. предмета» (Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С.449).

⁷ См. подробнее: Arnott P. D. The Alphabet Tragedy of Callias // *Classical Philology*. 1960. Vol.55. P.178—180; Тронский И. М. «Грамматическая трагедия» Каллия // *Русско-европейские литературные связи: Сб. к 70-летию М. П. Алексеева*. М.; Л., 1966. С.332—339.

⁸ Квятковский А. П. *Поэтический словарь*. М., 1966. С.14.

⁹ Vogt E. 1) Das Akrostichon in der griechischen Literatur // *Antike und Abendland*, 1966. Bd 13. S.80—97; 2) Akrostichon // *Lexikon der Alten Welt*. Zürich; Stuttgart, 1965. P.95; Countney Ed. Greek and Roman Acrostichs // *Philologus*. 1990. Bd 134. S.3—13. Интересно, впрочем, отметить, что гомеровский акростих был обнаружен уже в эллинистическое время и отмечен в схолиях, восходящих к александрийцам.

¹⁰ Wehrli F. *Schule des Aristoteles. Texte und Kommentar*. Hft 7. Herakleides Pontikos. Basel, 1953. S.62 sq.

¹¹ Фр. 14b, в котором Р.Каннихт усмотрел акростих, вероятно, происходит из драмы «Кентавр»; ср.: *Musa Tragica. Die griechische Tragödie von Thespis bis Ezechiel*. Göttingen, 1991 (= *Studienhäfte zur Altertumswissenschaft*, 16). S.162 и 290 Anm. 14.

¹² Cf.: Jacques J. M. Sur un acrostich d'Aratos // *Revue des Études Anciennes*, 1960. Vol.62, 48—61. П. Бинг (Bing P. The Well-Read Muse. Present and Past in Callimachus and the Hellenistic Poetry. Göttingen, 1988. P.29 n.39) принимает эту интерпретацию, согласно которой Λετταί зависят от гомеровского Λεωκή. Ср. также: Bing P. A Pun on Aratos' Name in Verse 2 of the Phainomena? // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1990. Vol.93. P.281—285.

¹³ Lobe E. Nicander's Signature // *CQ*. 1928. Vol.22. P.114. Ср. также: Kranz W. Ichform und Namensiegel als Eingangs- und Schlussmotiv antiker Dichtung // *Rheinisches Museum*. 1961. Bd 104. S.99.

¹⁴ Leuve // *Philologus*. Bd 42, 175.

¹⁵ Page D. L. *Literary papyri. Poetry*. Harvard Univ. Press, 1950. P.467—469. Датируется II в. до н.э.

¹⁶ Cf.: *Reallexicon für Antike und Christentum* // Hrsg. von Th.Klauser. Bd I. Stuttgart, 1950. Sp.236. См. также выше имя Тесея, загаданное в драме.

¹⁷ О нем см.: Oppenheimer Kl. // *RE*. 1937. Bd 16. Sp.584—592.

¹⁸ В рукописях стоит ω .

¹⁹ Это, судя по всему, было нормативным обозначением для /o/, как показывают цитированные Афинеем (cf. Athen. X, 453 d) стихи из грамматической пьесы Каллия: βῆτα οὐ βῶ (где O и произносилось и обозначалось как οῦ).

²⁰ Формульным в эпитафии является указание на имя (ὄνομα) и происхождение (πατρίς), причем и то и другое может быть предметом обыгрывания в тексте. Интересный пример обыгрывания не просто генеалогии, а «генеалогии этноса» представляет собой эпитафия Гиппемона (*Anth. Pal. VII 304*), разгадку которой предложил А. И. Зайцев (Зайцев А. И. Эпиграмма Палатинской Анталогии VII 304 // *Hyperboreus*. 1996. Vol.2, issue 1. P.139—150). Указание на социальное положение более редко. В этом смысле я не уверен, что τέχνη в контексте эпитафии Трасимаха следует понимать как «профессия»; ср. ниже акростих Евдокса.

²¹ Соссюр Ф. де. *Труды по языкознанию* / Пер. под ред. А. А. Холодовича. М., 1977. С.635 сл. с библиографией, составленной Вяч. Вс. Ивановым.

²² Заявленную еще Вольтером: Non seulement on fit des vers sibyllins, mais on les fit en acrostiches (Voltaire, *Moers Sibyll.*).

²³ *Dictionnaire de la langue française par É.Littré*. Vol.I. Paris, 1889. P.48, s.v.

²⁴ См.: Heubeck A. *Die Schrift*. Göttingen, 1979. S.108f.

²⁵ Meillier Cl. Acrostiches numériques chez Théocrite // *REG*. 1989. Vol.102. P.331—338; Брагинская Н. В. Композиция «Картин» Филострата Старшего // *Балканские чтения* — 2. М., 1992. С.30—35.

²⁶ «Vielleicht noch vor Christus sind die Akrostichon in den Argumenten zu den Komödien des Plautus entstanden» (Brand U. 'Akrostichon' // *Historisches Wörterbuch der Rhetorik* / Hrsg. G. Üding. Bd 1. Darmstadt, 1992. Sp.314—315).

²⁷ На этот акростих, замеченный Фаулером (Fowler D.P. An Acrostic in Vergil (Aeneid 7.601—4)? // *CQ*. 1983. Vol.33. P.298), мое внимание обратил профессор Иан Розерфорд (Гарвардский ун-т).

²⁸ Другой акростих у Вергилия не столь очевиден, хотя и широко принят. В 1963 г. Браун обнаружил, что Georg. I, 429—431—433 содержит первый слог имени поэта: Pu- Ve- Ma- (См.: Vergil. *Georgics*. Vol.1: Books I—II / Ed. by R. F. Thomas. Cambridge: New York, 1988. P.139). Этим указанием я обязан профессору Тюбингенского ун-та Л. Кеппелю.

²⁹ Ср.: *M. Valerii Martialis Epigrammaton Libri mit erklärenden Anmerkungen von L. Friedlaender*. Vol.I. Leipzig, 1886. P.278—279.

³⁰ См., однако: L. Friedlaender ad loc.: "carmen supinum, Verse, die auch rückwärts gelesen werden konnten (Ovid. Ex Pont. IV, 5,43: luminaque in fontes cursu reditura supino): also versus recurrentes oder reciproci. Von beiden Gattungen gab es mehrere Arten: Verse, die sich Buchstabe für Buchstabe rückwärts lesen liessen (καρκίνοι Sidon. Apoll. Epp. IX, 14 illud antiquum "Roma tibi subito motibus ibit amor" (CIL IV, 2400 = Kaibel 1124 = Dübner. Anth. Pal. II, p.608 ἦδη μοι Διὸς ἄρ' ἀτάτα παρὰ σοί. Διομήδην): Verse, die man Wort für Wort rückwärts lesen konnte (Verg. Aen. I, 8 Musa mihi causas memora, quo numine laeso). Ganz besonders wurden Verse (Hexameter) gebildet, die rückwärts gelesen Sotadeen ergaben, oder Sotadeen, die rückwärts gelesen andere Verse gaben. Quint. IX 4, 90 Astra tenet caelum, mare classes, area messem — hic retrorsum fit Sotadeus, itemque e Sotadeo trimetros: caput exseruit mobile pinus repetita. Sotades hatte den Vers. II. X 133 durch Umstellung der Worte in einen Sotadeus verwandelt. Martial will sagen, er mache keine Verse, die rückwärts gelesen den von Sotades in den Kivnaidoi angewandten gleichen».

³¹ См., например, акростих в сочинении Дионисия Перизгета, а позднее — у Сидония Аполлинария и др. О роли акростиха в римской низовой литературе см.: Amante A. Gli acrostici nella poesia sepolcrale latina // *Athenaeum*. 1913. Vol.1. P.288—294.

³² Graf G. Akrostichis // *RE*. Bd I, 1 (1893). Sp.1200—07.

³³ Cf.: *Reallexicon für Antike und Christentum* / Hrsg. von Th.Klauser. Bd I. Stuttgart, 1950. Sp.236.

³⁴ "Litterae vulgares — Ex meliore exemplo videtur expressum epigramma, cuius altera pars, quae ipsius mortuae res tractat, etiam minus scite facta prior; neque enim dicendi nec sentiendi elegans continuitas est" (Kaibel 149).

³⁵ "Romae ad viam Latinam. C.I. Add. IV 9595 a. III vel IV seculi. Flaviam enim (hoc nomen intellexit Kirchhoff prioris carminis versuum initialibus litteris significari) Valentinianorum sectae cum marito addictam fuisse docta disputatione evicit Kirchhoff".

³⁶ Kaibel, 1096 (Stratoniceae in Serapiei pariete. C.I.2722 coll. Add.II. P.1108 — III cent. A.D.): "Boeckh ex versuum litteris extravit Μέλιπος εὔρε", cf. Kaibel 226.

³⁷ G.Kaibel 979 (In insula Philis. C.I.4924 b).

³⁸ "Acrostichi lusu perfecto Καλλιῶ τοῦ καὶ Νικάνορος carmen esse reperit Franz, Mus. Rh. III, 298 (1845), additque Haupt Opusc. III, 490 eadem effici nomina conpositis primis quibusque cum ultimis versuum litteris" — Kaibel ad loc.

³⁹ "Itaque annus est vel XV vel XX vel XXXIII Caesaris Augusti, i.e. a. Chr. n. vel 15 vel 10 vel 7" (Kaibel 978, 13—14).

⁴⁰ Bua M. I giuochi alfabetici delle tavole Iliche. Roma, 1971.

⁴¹ Высказывалось, впрочем, и противоположное мнение; ср.: Horsfall N.M. Stesichorus at Bovillae? // JHS. 1979. Vol.99. P.26—48.

⁴² Guarducci M. Epigrafia Greca. III. Epigrafi di carattere privato. Roma, 1974. P.158 с библиографией.

⁴³ См.: Zarker J.W. // Orpheus. 1966. Bd 13. S.138—151.

⁴⁴ Moretti L. Inscriptiones Graecae Urbis Romae. II, 1. Romae, 1972. N.411.

⁴⁵ Allotte de la Fuye, Cumont F., Mesquien R. de Mission en Susiane. Numismatique. Epigraphie grecque. Céramique élamite. Paris, 1928. P.89—96. N.6. (= Mémoires de la mission archéologique de Perse. Vol.20).

⁴⁶ Guarducci M. Dal giuoco letterale alla crittografia mistica // Miscellanea in onore di J.Vogt (Aufstieg und Niedergang der römischen Welt), cf. Perdrizet. REG 1904. Bd 17. P.350—360; Robert L. Hellenica. 1960. Bd 11—12. P.428 sq.

⁴⁷ Guarducci M. Epigrafia Greca, IV. Epigrafi sacre pagane e Cristiane. Roma, 1978. P.101—103.

⁴⁸ Guarducci M. Epigrafia Greca, IV. P.380 sq., особенно P.386, посвященная акростику в христианской надписи II в.; ср. также: с.488—489.

⁴⁹ Иванов Вяч. Вс. Об анаграммах Ф. де Соссюра // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С.635.

⁵⁰ См.: Graver M. Quaelibet Audiendi: Fortunatus and the Achrostics // TAPA. 1993. Vol.123. P.219—245.

⁵¹ См., например: Dornseif F. Alphabet in Mystik und Magie: 2. Aufl., Leipzig: Berlin, 1925.

Сокращения

- CIG — Corpus inscriptionum Graecarum.
CIL — Corpus inscriptionum Latinarum.
CQ — Classical Quarterly.

- JHS — Journal of Hellenic Studies.
P.Amh. — Amherst Papyri / Ed. B. P. Grenfell and A.S.Hunt. Vol.1—2. London, 1900—1901.
Kaibel — Kaibel G. Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta. Hildesheim, 1965 (Frankfurt a.M., 1879).
RE — Realencyklopaedie der Alterthumswissenschaft.
RE — Revue des études anciennes.
REG — Revue des études Grecques.
Mus.Rh. — Rheinisches Museum.
TAPA — Transactions of the American Philological Association.